

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 8

**Санкт-Петербург
2009**

Хр. Милета

Полисы – туземные города – военные колонии. Размышления по поводу городской системы в эллинистической Малой Азии*

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы рассмотреть некоторые проблемы городской системы в эллинистической Малой Азии. С одной стороны, мне хотелось бы показать, что в Малой Азии эллинистического периода имел место особый вид городской жизни, представленный, помимо старых полисов, также другими типами городских центров, а именно туземными городами и большими македонскими военными колониями. С другой стороны, я бы хотел продемонстрировать, что этот довольно гетерогенный вид городской жизни находился в тесной связи с системой правления, введенной Александром Великим. Эта система обеспечила базовые условия для более позднего распространения полисной модели по Малой Азии и эллинистическому Востоку в целом. Впрочем, я не буду говорить обо всем эллинистическом мире, но – за немногими исключениями – только о Малой Азии. В данном случае мы обеспечены, пожалуй, достаточным количеством сведений, которые дают возможность образцового исследования вопросов, упомянутых выше¹.

1

В книге IV, главе 65 своей «Истории» Полибий говорит о Пеанионе в Этолии. Это место, имеющее периметр меньше семи стадий, не считалось большим городом (полисом), но, судя по устройству и планировке его домов, стен и башень, оно не уступало любому

* Пер. М. М. Холода.

¹ Эта статья в расширенном варианте была опубликована под названием: «Überlegungen zum Charakter und zur Entwicklung der Neuen Poleis im hellenistischen Kleinasien» // *Stadtbilder im Hellenismus* / Hrsg. von A. Matthaiou, M. Zimmermann. Berlin, 2009. S. 70–89.

другому полису². Из периметра в 7 стадий можно высчитать его площадь, которая, таким образом, должна была составлять 0,126 км².³ Городское ядро, т. е. ἄστυ Пеаниона, которое Полибий здесь упоминает⁴, было поэтому действительно очень небольшим. Его площадь сравнима с площадью маленькой деревни нашего времени⁵. Однако Полибий считает данное место полисом, принимая во внимание, предположительно, лишь архитектурные черты ἄστυ⁶. Вместе с тем он совершенно не учитывает тот факт политического свойства, что Пеанион наверняка являлся членом Этолийской лиги⁷. Только по этой причине он должен был быть обычным полисом со своими институтами и должностными лицами.

Как раз другой случай позднее обсуждал Павсаний, ведя речь о фокидском Панопее (X. 4. 1). Это был, как он пишет, «фокидский полис (πόλις Φωκέων)», «если его вообще можно назвать полисом, так как в нем нет ни правительственных зданий, ни гимназия, ни театра, ни агоры и нет даже общественного водоема, но жители обитают здесь вдоль горного потока, в полуземлянках,

² Polyb. IV. 65. 3: πόλις κατὰ μὲν τὸν περίβολον οὐ μεγάλη - ἐλάττων γὰρ ἢν ἑπτὰ σταδίων - κατὰ δὲ τὴν σύμπασαν κατασκευὴν οἰκιῶν καὶ τευχῶν καὶ πύργων οὐδ' ὁποίας ἦττω.

³ 7 стадий (180 м каждая) приблизительно равны 1260 м. Это число позволяет высчитать радиус, который будет составляет около 200 м (ср.: Kirsten E. Paianion // RE. XVIII. 2. 1942. Sp. 2362–2374, 2371, где дается диаметр – ошибочно называемый периметром – в 500 м, что равняется радиусу в 250 м), и площадь где-то в 0, 126 км² или 12, 6 га соответственно.

⁴ Сообщение Полибия не позволяет судить, включал ли данный периметр Пеаниона нижний город (см.: Walbank F. W. Historical Commentary on Polybius. I. Oxford, 1970. P. 519) или нет (см.: Kirsten E. Paianion. Sp. 2371).

⁵ Так, например, современная деревня Йоншейм (Johnsheim) в Саксонии, Германия, имеет площадь в 3, 6 км². 10% ее (= 0, 36 км² или 36 га соответственно) – район населенного центра этой деревни. Число ее жителей составляет 200 чел.

⁶ Ср.: Strab. XI. 3. 1. С 499, в его рассказе о кавказской Иберии (которая совпадает с западной частью современной Грузии, см.: Treidler H. Iberia // КР. II. 1979. Sp. 1329–1330, 1329): «... Иберия большей частью так хорошо застроена городами (πόλεις) и поселками (ἐποικίαι), что там есть даже черепичные крыши, рыночные площади (ἀγοραί) и другие сооружения, воздвигнутые по правилам архитектуры» (Пер. Г. А. Стратановского).

⁷ Пеанион располагался к северу от залива Патр, а точнее, в левой, этолийской, части долины Ахелоя (см.: Kirsten E. Paianion. Sp. 2363). Таким образом, он находился в центральных землях Этолийской лиги; ср.: Strauch D. Aitoloi, Aitolia // NP. 1. 1996. Sp. 372–379, 373–374 (карта) и 375.

более всего похожих на горные лачуги»⁸. Поскольку, однако, Панопей имел территорию (χωρά), которая была четко обозначена, и посылал своих представителей на собрание фокидян, Павсаний считает его, несмотря ни на что, полисом.

Трудности Павсания легко понятны. Панопей, который называл знаменитым и важным городом уже Гомер⁹, деградировал в течение столетий¹⁰. Прежде всего в эпоху Павсания у него более не было городского ядра (ἄστυ). До опустошения Панопея, осуществленного по приказу Филиппа III¹¹, его ἄστυ, должно быть, находилось на теперь заброшенном акрополе, площадь которого равнялась приблизительно 8 га¹², и, следовательно, было даже меньше ἄστυ Пеаниона. Из-за отсутствия ἄστυ, а также из-за подобного деревенскому и достаточно жалкого стилю обитания его жителей сегодня можно было бы думать, следуя современным понятиям урбанизма, что Панопей не был полисом. Однако в античности такого рода городской центр был известен. Поэтому Павсаний, для того чтобы можно было считать Панопей полисом, упоминает ряд фактов политического характера, а именно существование у него определенных границ и членство в Фокидском союзе.

Как показывают два вышеприведенных примера, греческие писатели постклассического времени даже в связи с некоторыми городами Греции точно не знали, почему следует считать их по-

⁸ Пер. С. П. Кондратьева с незначительными изменениями.

⁹ Hom. II. XVII. 306, говорит ο κλειτὸς Πανοπέϊς, где у фокидского героя Схедия была родина и дом и где он правил многочисленным населением (Ibid. 306–308).

¹⁰ Панопей был сильно разрушен в IV в. Филиппом II, а позже, в I в. до н. э., еще раз войсками Митридата VI; см.: Kirsten E. Panopeus // RE. XVIII. 2. 1949. Sp. 637–649.

¹¹ По этому приказу население Панопея было расселено по деревням; см.: Kirsten E. Panopeus. Sp. 637–649.

¹² По Павсанию (X. 4. 1), периметр старой стены Панопея составлял 7 стадий. Реконструкция Кирстенем направления данной стены (Kirsten E. Panopeus. Sp. 644) не согласуется с сообщением Павсания, который говорит, что позднее это был растянутый правильный прямоугольник приблизительно 1200 x 200 м. Такое растянутое очертание обуславливалась географически овальной формой акрополя, который еще видел Павсаний. Поэтому нужно привести периметр в 7 стадий, указанный им, в соответствие – 2, 5 стадии (длинные стороны) на 1 стадию (короткие стороны), что равно приблизительно 450 x 180 м. В результате можно подсчитать, что площадь составляла 81 тыс. м² или 0,8 км² (= 8 га). Ср. с подсчетом площади ἄστυ Пеаниона выше.

лисами. Напротив, в архаическую и классическую эпохи имелось явно более четкое понимание подобного вопроса. В это время феномен и понятие «полис» практически всегда относились к большому населенному месту с ясно определенной территорией, формирующему κοινωμία πολιτῶν πολιτείας, т. е. независимую политическую общность со своими законами и своим управлением¹³. Эти общины отличались в том, что касается их политического и конституционного порядка, от деревень, даже если они не являлись городами по современным стандартам¹⁴. С другой стороны, в постклассическую эпоху существовало четкое представление о том, что полис по своему размеру, городской планировке и архитектурному виду должен был сам по себе явно отличаться от своего сельского окружения¹⁵.

Исходя из этого положения дел, возникали определенные проблемы относительно оценки целого ряда полисов в самой Греции. Подобные проблемы являлись, если следовать современным понятиям урбанизма, результатом того факта, что данные общины в политическом смысле, т. е. в отношении их конституций, считались полисами и поэтому также городами. Но с точки зрения урбанизма городами они вообще не были, так как у них отсутствовали большое число жителей, компактная форма поселения, репрезентативная планировка города и даже подчас функция центрального места для округа.

Противоположные трудности с определением того, каким должен быть полис, возникали на эллинистическом Востоке. Здесь су-

¹³ Латинский эквивалент для слова πόλις – civitas; см.: Kolb F. Stadt V. Griechenland und Rom // NP. 11. 2001. Sp. 894–899, 894.

¹⁴ Противоречие между политическим статусом полиса и отсутствием городских сооружений было, как показано выше, подоплекой для трудностей Полибия и Павсания в определении, были ли Пеанион и Панопей «полисами» или нет.

¹⁵ Страбон (III. 4. 13. 163 С.), в отличие от Полибия и Павсания, не ссылается на обстоятельства ни архитектурного, ни политического, но только культурного свойства, когда говорит об уровне урбанизации Испании в его время. Как он пишет, число городов там обычно завывшалось, поскольку городами (πόλεις) назывались просто большие деревни (κῶμαι). В действительности собственно Испания была столь отдаленной, неплодородной и нецивилизованной, что не могла прокормить большое число городов. Да и дикий образ жизни основной массы населения Испании также говорит против существования здесь значительного числа городов («ἀγροὶ γὰρ οἱ κατὰ κῶμας οἰκοῦντες· τοιοῦτοι δ' οἱ πολλοὶ τῶν Ἰβήρων. αἱ δὲ πόλεις ἡμεροῦσιν...»).

ществовало много крупных туземных общин, которые еще до прихода греко-македонских завоевателей однозначно являлись городами. Каждая из них имела собственные институты, самоуправление, четко определенную территорию, большое число жителей, а также компактную форму поселения, репрезентативные здания и общественные сооружения. Вследствие этого греческие источники в основном описывают данные крупные туземные города как полисы.

Все эти «полисы» были городскими центрами целого района, подобно городам на Царской дороге, упомянутым Ксенофонтom, или такими, как хорошо известные столицы, например, Вавилон, Мемфис или Фивы. Поэтому на эллинистическом Востоке феномен и понятие «полис» явно приобрели модифицированное значение. Тут термин «полис» описывал все населенные места, которые были городами по их размерам, городской планировке и архитектурному виду, а также по их функциям в качестве районных центров, без необходимости иметь политическую структуру и конституцию настоящего греческого полиса.

Наименование, используемое по отношению к городам эллинистической Малой Азии, изменилось отчасти, поскольку здесь существовало большое число старых и новооснованных полисов, а также много туземных городов и определенное количество больших македонских военных колоний. Так что городская система эллинистической Малой Азии была достаточно сложной. В частности, термин «полис» без текстуального контекста не несет никакого оттенка, если посредством него описывается обычный полис, туземный город, большая военная колония или смешанная форма обоих последних типов городских общин.

Есть необходимость объяснить, как я описываю городские центры эллинистической Малой Азии: 1) города в широком смысле; 2) полисы; 3) туземные города; 4) военные колонии; 5) демы.

1) «Город»: используется нами как современное родовое понятие для любого места, которое а) имеет много жителей, компактную форму поселения, репрезентативные здания и общественные сооружения, а также является б) экономическим и, возможно, политическим и административным центром округи.

2) «Полис»: мы употребляем данный термин, в противоположность его неясному использованию в античных источниках, исключительно для греческих или греческих по стилю городов, т. е. для городов, которые а) были греческими или, по крайней мере, ориентировались на греческие стандарты в том, что касается куль-

туры и официального языка, а также имели б) конституционную структуру и институты традиционных греческих городов.

3) «Туземный город»: это понятие нами применяется для городов, которые, как, например, столица Лидии Сарды, Гиераполь во Фригии или Амалада и Сельга в Писидии, были городскими центрами туземного типа, т. е. по своему населению, своей культуре и конституционному строю, а также по городской планировке и архитектуре оставались туземными. Из-за их территориальной протяженности, большого числа жителей и их функций как региональных центров они часто называются в греческих источниках «полисами» в широком смысле этого слова.

4) «Военная колония»: данный термин мы используем для больших поселений, где жили воины, находившиеся на действительной службе, или ветераны вместе со своими семьями. Эти колонии были основаны в III–II вв. до н. э. как по стратегическим причинам сиюминутного характера, так и по причине долгосрочной защиты греко-македонского господства. Колонии были подчинены военным командирам и, следовательно, не являлись городами в смысле самоуправляющихся общин. В силу это особенно надписи, в которых часто отражается официальное использование слов, называют их только «поселениями» (κατοικίαι). Но крупные военные колонии, как, например, Магнесия на Сипиле, Фиатиры в Лидии или Ториеон во Фригии, из-за занимаемой ими большой территории, значительного числа жителей и их греческих культуры и институтов часто назывались в греческих литературных источниках полисами.

5) «Дем»: этот термин встречается не очень, но достаточно часто в наших источниках, эпиграфических и литературных. Похоже, в источниках используется мн. ч. данного термина (δῆμοι) в качестве родового понятия как для туземных городов, так и для больших военных колоний в противоположность ἔθνη – туземным племенам или народам.

2

Что касается политических и общественных обстоятельств, при которых осуществлялось развитие городской системы эллинистической Малой Азии, то важно понять, что уже в эпоху Александра произошло базовое изменение политической и административной макроструктуры Малой Азии¹⁶. Александр заменил всеобъемлю-

¹⁶ Для последующего изложения см.: Mileta Ch. Der König und sein Land. Untersuchungen zur Herrschaft der hellenistischen Monarchen über das königliche Gebiet Kleinasien und seine Bevölkerung. Berlin, 2008.

щие притязания Царя царей из династии Ахеменидов на верховную власть и управление над Азией вообще и Малой Азией в частности, включая тамошние греческие полисы, новым политическим и административным порядком – дихотомией полисов и хоры. Эта дихотомия, которая часто упоминается в источниках, была одной из важных, если не самой важной особенностью эллинистического государства. Она подразделила Малую Азию и эллинистический мир вообще на две разные части: группу (якобы) свободных и независимых греческих городов (полисов), с одной стороны, и главным образом населенные туземцами сельскохозяйственные внутренние районы (хора), с другой. Хора сама по себе была подразделена на три категории: $\xi\theta\upsilon\eta$, демы и царская земля. $\epsilon\theta\upsilon\eta$ являлись народами и племенами, которым была предоставлена определенная степень внутренней автономии, проявлявшаяся в праве жить согласно со своими традиционными законами. Они, без исключения, были обязаны платить подати, однако им было дано право собирать их, как они сами хотели, до передачи администрации. Демы, в которые были включены туземные города и большие военные колонии, имели сходные prerogatives. Кроме полисов, $\xi\theta\upsilon\eta$ и демов существовала царская земля, которая охватывала всю остальную часть внутренних районов Малой Азии. Царская земля находилась полностью под верховной властью и управлением эллинистических монархов и царской администрации. Важно понять, что из макроструктуры дихотомии полисов и хоры произошла политическая и административная иерархия – с полисами наверху, демами и $\xi\theta\upsilon\eta$ посередине и царской землей внизу.

Внутри этой иерархии старые и новооснованные полисы Малой Азии имели привилегированный статус. Правда, они должны были в принципе признавать верховную власть монарха, стоящего над ними, и это также означало, что они должны были платить определенные подати и, если необходимо, принимать гарнизон или даже признавать установление в городе царского представителя. Но, с другой стороны, они сами распоряжались своим ограниченным суверенитетом. В частности, они могли регулировать свои внутренние отношения и поддерживать независимые связи с другими полисами. Между монархами и отдельными полисами их царств существовали квази-международно-правовые отношения, по которым официально признавались свобода и независимость полисов. Тем не менее полисы – которые в ряде случаев получили династические имена, как Стратоникея, Филадельфия, Лаодикея, Селевкия

и т.д. – не были подлинно свободными, но политически зависимыми от правителей. Это должно быть видно из вмешательств монархов, а также представителей царской администрации в политические отношения и экономику полисов. С другой стороны, полисы получали от правителей финансовые субсидии и хлебные дары.

Этот весьма привилегированный статус полисов объясняет, почему туземные города и военные колонии, а иногда даже деревни на царской земле стремились стать полисами. Подобные усилия были успешны в очень многих случаях, потому что дихотомия полисов и хоры не имела политических и этнических ограничений для улучшения политического статуса. Поэтому города и большие военные колонии, принадлежавшие хоре, могли превратиться в полисы, если они адаптировали свою культуру, а также свой конституционный и политический строй к греческим стандартам. То же самое могло происходить и с деревнями на царской земле, если они получали поддержку со стороны членов правящего сообщества.

Сказанное может быть проиллюстрировано примером Лаодикеи на Лике, которая была основана в 250-е гг. до н. э. как новый полис посредством синойкизма двух туземных деревень – Киддиукомы и Бабакомы – и маленького военного форта, называвшегося Неон Тейхос. Основанию этого нового полиса, который был назван по имени правившей царицы из династии Селевкидов – Лаодики, жены Антиоха II, способствовал и, вероятно, даже его стимулировал Ахей Старший, являвшийся дядей или кузеном царя¹⁷. В качестве *κύριος τοῦ τόπου* Ахей распоряжался большими участками царской земли в долине реки Лика, прилегавшей к долине Меандра. Упомянутые деревни и военный форт являлись частью поместий Ахея или, по крайней мере, были тесно связаны с этими поместьями. Трансформация данных мест в новый полис принесла политические или экономические выгоды их жителям, а также Ахею и государству Селевкидов. Лаодикея представляла собой полностью новое образование и не было трансформацией

¹⁷ Об истории Лаодикеи см.: I. Laodikeia am Lykos / Hrsg. von Th. Corsten. I. Bonn, 1997. № 1: декрет трех деревень в честь Ахея и его подчиненных Банабела и Лахара (268/67 г. до н. э.). Эти почести относятся ко времени незадолго до основания полиса Лаодикеи. Семья Ахея имела тесную связь с Лаодикеей до конца III в. до н. э. Здесь в 220 г. до н. э. Ахей Младший возложил на себя царскую диадему (Polyb. V. 57. 5) и, весьма вероятно, получил землю в сельской округе города; см. комментарий Корстена к указанной надписи (S. 12).

туземного города в полис. Поэтому этот город с самого начала соответствовал в том, что касается конституционного строя, городского плана и архитектурного дизайна, модели греческого полиса. И очень скоро он стал центром плодородной долины Лика, где к тому же проходила важная дорога с запада на восток. Не удивительно, что новооснованный полис Лаодикея привлек большое число поселенцев туземного и греко-македонского происхождения. Последние, кажется, представляли большинство, так как культура и конституция города были весьма быстро эллинизированы¹⁸. Таким образом, Лаодикея превратилась очень скоро в один из наиболее важных полисов всей Малой Азии.

3

В эллинистическую эпоху были основаны многие новые полисы, причем большинство из них в Малой Азии. Здесь в III–II вв. до н. э. появилось около 100 новых полисов. Цари и царская администрация эллинистических государств в Малой Азии, особенно государств Селевкидов и Атталидов, не только позволяли им появляться, но даже поддерживали этот процесс. Они действовали таким образом, ибо новые полисы обеспечивали политический, военный и экономический контроль над районами, где они были расположены. 100 новых полисов абсолютно удивительное число, имея в виду низкую плотность населения и преимущественно аграрную структуру эллинистической Малой Азии¹⁹.

Кроме того, во всех частях эллинистического мира планировались и основывались репрезентативные столицы и поселения. Они быстро расцветали, превращаясь в крупные города с более чем 100 тыс. жителей. Эти города были столицами или поселениями и в то же самое время полисами. Так что эллинизм был не эпохой падения, а динамичного распространения модели полиса. Но данная модель должна была изменить, по крайней мере, некоторые свои черты под влиянием условий военного завоевания и интеграции туземных жителей и структур. Поэтому нам следует ответить на вопрос: какие

¹⁸ Надпись (I. Laodikeia am Lykos. № 2), относящаяся также к III в. до н.э., показывает, учитывая упомянутые имена и должности, отсутствие туземного субстрата.

¹⁹ Правда, сравнение с современной эпохой демонстрирует относительную слабость развития городской жизни в эллинистической Малой Азии: в 2007 г. в Германии насчитывалось 12244 города, располагающихся на территории в 350 тыс. км². На территории в 50 тыс. км² могло бы быть тогда 1750 городов.

типичные черты имели полисы эллинистической эпохи? Предварительно мы можем сказать, что скоро оформился канон критериев²⁰, которым населенное место должно было постоянно соответствовать, чтобы быть признанным как полис. Этот канон или каталог нигде полностью не представлен в наших источниках²¹. Возможно, однако, его составить²², исходя из различных данных источников, которые упоминают только отдельные его аспекты²³. Таким образом мы способны определить следующие социальные, политические, культурные, религиозные и городские структуры, признаки, институты, нормы и методы, которым должно было соответствовать населенное место, чтобы быть признанным как полис²⁴:

1) Полису следовало иметь достаточную сельскую территорию (хору), а также значительное количество и большую плотность населения²⁵.

²⁰ Billows R. *Cities* // *A Companion to the Hellenistic World* / Ed. by A. Erskine. Oxford etc., 2003. P. 196–215, 197, где говорится, что если бы кто-то соединил вместе разные источники, он бы получил действительный «перечень» физической инфраструктуры и институтов, которые город должен был иметь, чтобы его признали «полисом». Фоном для этого был «широкий консенсус... относительно того, что значит быть греческим городом».

²¹ См.: Eder W., Sonnabend H. *Stadt I (definition)* // NP. 11. 2001. Sp. 890 f.: общее определение города трудно как для нашего времени, так и для античности. Ср.: Welwei K.-W. *Polis* // NP. 10. 2001. Sp. 22–26, 22: исходя из контекста, полис может иметь топографические, персональные, политические и юридические коннотации.

²² Приведенный ниже каталог в основном базируется на: Billows R. *Cities*. P. 196–215; Eder W., Sonnabend H. Sp. 890 f.; Kolb F. *Stadt V*. Sp. 890 f., Welwei K.-W. *Polis*. Sp. 22–26. Чтобы привести свои соображения, мы должны пренебречь следующим предостережением Кольба (Kolb F. *Op. cit.* Sp. 896): из-за совершенно отличных обстоятельств и условий появления городских поселений возникали весьма разные типы городов – от пыльных и маленьких в землях, удаленных от моря, до больших и динамично существующих портовых, а потому следует избегать говорить о «греческом городе» в целом. Это также, и особенно, верно для эллинистической эпохи.

²³ Помимо указанных выше свидетельств Полибия (IV. 65. 3) (архитектурные свойства) и Павсания (X. 4. 1) (политические свойства), Дион Хрисостом (Or. XLVIII. 9) приводит еще больший, но также неполный список признаков полиса: театры, гимнасии, стои, политическое самоуправление, взаимное доверие граждан, общественная собственность (χρήματα δημόσια).

²⁴ См.: Billows R. *Cities*. P. 213.

²⁵ Кольб предполагает по меньшей мере 1 тыс. жителей для полиса.

2) Полис должен был иметь обширное и в то же самое время компактно населенное ядро (ἄστυ), которое выполняло функцию центрального места для сельского окружения города (χώρα). Поэтому ἄστυ являлся культовым центром и местом проведения праздников, центральным рынком для внутренней и внешней торговли, центром производства, местом для принятия решений, штаб-квартирой администрации и суда всей общины. Из-за своей важной функции ἄστυ следовало иметь разнообразную и добротную по качеству архитектурную структуру с репрезентативными зданиями и сооружениями. Из них нужно упомянуть, в частности: круговую стену, храмы и святилища, монументальную агору для политических целей, бульваров и/или пританей, один или несколько гимнасиев, театр и стадион, библиотеки, помещения для преподавания и крытые места для прогулок (стои), добротные дома и репрезентативные общественные источники воды, торговую агору с окружающими стоями для лавок и торговых контор.

3) Полисы обладали внутренним самоуправлением, но были интегрированы в структуры эллинистического государства. Поэтому каждый отдельный полис имел собственные конституционный строй и правовую систему, а также соответствующие институты (народное собрание, совет-буле, суды) и магистратов. Внутреннее самоуправление полиса регулировало, в частности: религиозные дела и праздники, отношения с царями и династиями, а также с остальными полисами, почести для благодетелей общины, продовольственное снабжение, уход за общественными зданиями и предоставление социальных услуг населению.

4) Конституционный строй полисов был, как правило, демократическим. Народное собрание выбирало магистратов и решало как политические, так и религиозные вопросы города. Наиболее важные политические позиции и должности обычно занимало меньшинство богатых знатных людей.

5) Коллектив жителей полисов был в этническом и социальном плане смешанным. Он состоял, с одной стороны, из главным образом туземных крестьян с хоры города. С другой стороны, существовал широкий пласт ремесленников, торговцев, владельцев мастерских, поденщиков и рабов, живших в ἄστυ и занимавшихся производством и торговлей. Кроме того, в ἄστυ проживали представители элиты гражданского коллектива, а также ученые, поэты и художники.

6) В полисе существовала специализация и разделение труда, именно – между ἄστυ и χώρα, а также среди жителей ἄστυ.

7) "Асту был экономическим центром и рынком города, а равно хоры и обширной территории вне границ полиса. Этой функции местного и районного центра содействовал выпуск собственных монет. Экономическая сила отдельных полисов развивалась (также посредством интеграции полисов в экономическую конструкцию эллинистических царств) экстраординарным образом. В частности, очень большие полисы и столицы жили в основном за счет притока капитала.

Некоторые черты эллинистических полисов, которые я только что указал, были присущи еще полисам классической эпохи. И это очередной раз показывает, что эллинизм был не временем упадка, а прогресса модели полиса. Наиболее важные черты полисов эллинистического периода были следующими:

а) население состояло из туземцев, прежних военных колонистов, греков и македонян, а также эмигрантов из других частей эллинистического мира;

б) имели место новые стандарты размера и монументального дизайна городской архитектуры;

в) полисы были полностью интегрированы в конструкцию эллинистического государства;

г) модель полиса распространилась до Египта и Средней Азии;

д) отдельные полисы имели экономические и политические, а также религиозные и культурные связи с другими полисами во всех частях ойкумены²⁶;

е) как старые, так и новые полисы сохранили традиционные конституционные и политические структуры и держались греческих языка и культуры.

Из этих черт наиболее важной была одна. Полисы посредством сохранения традиционных политических и конституционных структур, а также того, что они держались греческого (не македонского!) языка и культуры, смогли отделить себя от всех других типов городских центров и в то же самое время сохранить свое привилегированное положение в дихотомии полисов и хоры.

Поэтому не удивительно, что, в частности, филы²⁷ и гимнасий оказались наиболее важными институтами, которые заботились и

²⁶ См.: Billows R. *Cities*. P. 197: отдельные полисы эллинистического периода были включены в сеть, которая являлась в культурном и политическом отношении греческой сетью, протянувшейся от Западного Средиземноморья до Средней Азии.

²⁷ О филах и их значении в формировании политических институтов полиса см.: Latte K. *Phyle* (1) // *RE*. XX. 1. 1941. Sp. 994–1011, особ. 1001–

передавали дальше традиционную греческую культуру. Для полисов, которые были основаны посредством реорганизации, т. е. полной трансформации или, по крайней мере, включения туземных городов и деревень либо военных колоний в основывающийся полис, это обязательно означало полное «переформатирование» их политических и культурных условий существования.

Тут мы можем привести пример Ториеона (или Тириеона) в юго-восточной Фригии, который стал полисом в начале II в. до н. э. Это место, которое Ксенофонтом было названо πόλις οἰκουμένη (Anab. I. 2. 14)²⁸, уже в доэллинистический период являлось местным или даже региональным центром. Оно находилось в южной части Царской дороги, которая соединяла приморские города западной Малой Азии с Востоком. В 401 г. до н. э. Кир Младший стоял лагерем с войском в Ториеоне и его окрестностях в течение нескольких дней. Здесь он устроил смотр своих сил, проведя учебную битву, в которой приняло участие 13 тыс. греческих наемников и большое число «варваров», т. е. персов или воинов туземного происхождения (Xen. Anab. I. 2. 14–18). Войска Кира, насчитывавшие в целом более 20 тыс. чел., должны были снабжаться Ториеоном и его округой. Подобное обстоятельство говорит об экономическом преуспевании этого туземного города и его области. В эллинистический период Ториеон относился – сперва как туземный город, а затем как военная колония – к группе демов. В начале II в. до н. э. здесь жило этнически смешанное население – греко-македоняне, галаты и туземцы²⁹. В середине 180-х гг. до н. э. к Эвмену II пришли послы данного города, который подпал под власть Атталидов и поэтому, очевидно, утратил свой статус военной колонии³⁰. Они просили царя предоставить «жителям Ториео-

1011. Бузольт подчеркивал, что филы позднее (классического и постклассического времени) были чисто территориальными (в противоположность более древним гентильным филам): Busolt G. Griechische Staatskunde. I. München, 1920. S. 256; см. также: Latte K. Op. cit. Sp. 1001–1004. О политических функциях фил: Bellen H. Phyle (2) // KP. IV. 1975. Sp. 835 f.

²⁸ Ксенофонт называет его Тириейон.

²⁹ Надпись, о которой речь пойдет ниже, упоминает в качестве жителей Ториеона *Τοριαιτῶν οἱ κατοικοῦντες ἐν ἡσίοιοι*. Первые были военными поселенцами греко-македонского и галатского происхождения (это показывают имена послов).

³⁰ I. Sultan Dagi / Hrsg. von L. Jonnes. I. Bonn, 2002. № 393 (= Jonnes L., Riel M. // EA. 28. 1997. S. 1–29; вместе с этим: Gauthier Ph. // BE. 1999. P. 509; Schuler Ch. // ZPE. 128. 1999. S. 124–132).

на» политию (πολιτεία), т. е. статус греческого полиса, «в том числе собственные законы (ἴδιοι νόμοι), гимнасий и то, что еще свойственно данному статусу» (сткк. 9–11). Правитель удовлетворил подобные просьбы, но убеждал ториетян интегрировать «туземцев, уже живущих вместе с ними (ἐγχώριοι)», в новый полис (πολιτεῖα, сткк. 26–28). Он также определенно разрешил им использовать собственные законы (ἴδιοι νόμοι), собственные конституционный строй и правовую систему, как было обыкновенно для полиса. Если ториетяне уже имели и использовали собственные законы, они должны были показать их царю; таким образом, Эвмен мог проверить, не противоречат ли они его интересам. Если, однако, у жителей Ториеона не было собственных законов, им следовало оповестить об этом правителя. В таком случае он предписывал, «чтобы подходящие (законы) поделили народ (демос), а они организовали его по филам, открыли школу и дали масло для юношей» (сткк. 28–33). В непосредственной связи с этим Эвмен объяснял, что им было объявлено об (официальном) признании нового города (πολιτεῖα) в начале второго письма (сткк. 34–35)³¹. Значение нового полиса Ториеона было явно велико. Из-за своего положения в плодородной долине и близости к одному из наиболее важных путей, ведущих с запада на восток, он представлял собой, несомненно, региональный, если даже не более чем региональный, экономический центр, рынок и остановку для путешественников.

Поскольку новая политевма обладала всеми признаками полиса – собственные законы, филы, буле и демос, а также гимнасий, – фактически она была полисом. Но достаточно интересно, что эпиграфическое досье, сообщающее о «переформатировании» Ториеона, не упоминает термин «полис» вообще, термин, который с современной точки зрения был ключевым и, конечно, в данном случае ожидаемым. По-видимому, царь, а также послы не употребляли его, потому что Ториеон уже давно являлся полисом в широком смысле этого слова.

Уже наш беглый взгляд на случай Ториеона показывает, какие важные и широкомасштабные перемены общественного и политического порядка, а равно городского планирования происходили,

³¹ Тогда как первое письмо было еще адресовано «жителям Ториеона» (Τοριατῶν οἱ κατοικοῦντες, стк. 2), второе было послано «совету и народу ториетян» (Τοριατῶν τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμῳ, стк. 39). Τοριατῶν используется как топоним, так и этникон.

когда гибридный тип города, т. е. того, который являлся смесью туземного города и военной колонии, трансформировался в полис. Поэтому можно рассматривать переоснование или, я бы сказал, «переформатирование» Ториеона как парадигму развития туземных городов и крупных военных колоний в новые полисы, которые с самого начала находились под значительно большим контролем эллинистического государства, чем полисы старые.

Итак, подведем итоги наших размышлений. Стоит утверждать, что в эллинистическом мире и особенно в Малой Азии модель полиса сохранялась и даже, более того, развивалась. Попрежнему продолжали существовать традиционные конституционные и политические структуры классического полиса, а также идеалы политической свободы и возможности самоопределения.

Однако в Малой Азии почти все полисы подчинялись правителям эллинистических государств. Прежде всего это означало, что полисы принимали участие в политических и военных структурах последних. Вместе с тем в рамках макрополитической структуры полисов и хоры и существующего режима они занимали привилегированное положение. Правители давали им довольно большие права и суверенитет и поддерживали с ними отношения с помощью дипломатических средств. Кроме того, они предоставляли полисам налоговые льготы и помогали им деньгами и пожертвованиями в виде зерна.

Ввиду явной выгоды от принадлежности к группе полисов туземные города, крупные военные колонии и смешанные формы обоих видов пытались получить полисный статус, причем подобные усилия находились в интересах монархий и их администраций. В результате в период эллинизма в Малой Азии было основано около 100 новых полисов.

Это было сделано при помощи переоснования или «переформатирования» туземных городов и военных колоний, но в некоторых случаях были основаны совершенно новые полисы.

Возникшие новые полисы пользовались греческими конституционным строем и правовой системой и в них официальный язык и культура были греческими. Поэтому они имели сходство во многом (но не во всем) с традиционными старыми полисами. Так, их население состояло из красочной смеси туземцев, греко-македонян и других эмигрантов из разных частей эллинистического мира. Кроме того, новые полисы с самого начала сильно зависели от правителей.

В целом можно сказать, что модель полиса в значительной степени завоевала свое положение в эллинистический период в Малой

Азии. В то же время продолжали создаваться новые полисы, но они с точки зрения их зависимого положения и состава населения уже значительно отличались от полисов классической эпохи.

Ch. Mileta

Poleis – Indigenous Cities – Military Colonies. Reflections on the urban system of Hellenistic Asia Minor

The article shows that in the Hellenistic era, and especially in Asia Minor, there was not a decline, but rather a dynamic advancement of the model of the polis. In the course of that epoch in Asia Minor about 100 new poleis came into being. This happened mostly by the reorganization or – perhaps it is better to say – by the «reformatting» of indigenous cities or larger military colonies into poleis. In several cases we see even an entirely new foundation by the amalgamation of several indigenous villages.

Thus the citizen bodies of the new poleis formed a colourful mixture of indigenous people, Graeco-Macedonians and other immigrants from different parts of the Hellenistic world. As Greek-style cities they had a Greek constitutional order and legal system; the official language and culture were Greek. Therefore in many ways but not all they resembled the traditional old poleis of the Classical epoch. Although they had the right to the internal self-government, they were not «city-states» in the traditional sense, but in a large extent depended on the monarchs and the royal administration.

So in general one can say, that the model of the polis could hold on and moreover even develop in Hellenistic Asia Minor. The new poleis founded here can be distinguished from the poleis of the Classical time not fundamentally, but with regard to their dependent political position and the composition of their populations.

